

Голосъ. 1872. №195.

НАШИ ОТНОШЕНІЯ

КЪ СРЕДНЕАЗІАТСКИМЪ ХАНСТВАМЪ.

Въ послѣднее время, все чаще и чаще стали появляться въ печати статьи, касающіяся нашихъ среднеазіатскихъ дѣлъ. Явленіе это, безъ сомнѣнія, весьма отрадное: оно доказываетъ, что наше общественное мнѣніе начинаетъ, наконецъ, интересоваться среднеазіатскими дѣлами, составлявшими до сихъ поръ исключительное достояніе канцелярій и штабовъ. Нельзя, однако, не сожалѣть, что большинство статей, появляющихся въ нашихъ газетахъ, ограничивается перепечатками изъ англійскихъ газетъ или «Туркестанскихъ Вѣдомостей» съ присовокупленіемъ изрѣдка коментаріевъ, обнаруживающихъ полное незнакомство ихъ авторовъ съ характеромъ и положеніемъ нашихъ среднеазіатскихъ дѣлъ.

Всякій, кто жилъ въ Средней Азіи и сколько-нибудь знакомъ съ отношеніями нашими къ сосѣднимъ ханствамъ и съ тайными пружинами, на которыхъ они держатся, не можетъ не улыбнуться, слыша въ обществѣ разглагольствованія о значеніи нашихъ торговыхъ договоровъ съ владѣтелями среднеазіатскихъ ханствъ. Повидимому, у насъ многіе совершенно серьезно вѣрятъ въ значеніе этихъ договоровъ, вѣрятъ въ возможность существованія международныхъ отношеній съ среднеазіатскими властителями. Мы забываемъ, что и въ Европѣ, какъ доказалъ намъ Бисмаркъ, трактаты имѣютъ силу только до тѣхъ поръ, пока исполненіе ихъ обезпечивается достаточнымъ количествомъ штыковъ. Что же касается Азіи, то здѣсь трактаты не имѣютъ ровно никакого значенія. Въ Азіи уважаютъ только силу: есть она, то и безъ всякихъ договоровъ наши требованія будутъ исполнены; нѣтъ ея—никакіе договоры не помогутъ. Доказательствомъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что, хотя на основаніи V-й статьи договора, заключеннаго съ Бухарой 18-го іюня 1868 года, съ русскихъ купцовъ, торгующихъ въ Бухарѣ, должна взиматься такая же пошлина, какъ и съ бухарскихъ купцовъ, тѣмъ не менѣе, эмиръ, еще долгое время послѣ подписанія этого договора, продолжалъ собирать съ нашихъ куп-

цовъ двойную пошлину противъ условленной трактатомъ, пока, наконецъ, взятіе Карши и Шахрисабъса не побудило его отказаться отъ такого вызывающаго образа дѣйствія. Впрочемъ, и сама администрація Туркестанскаго Края не придаетъ, повидимому, большого значенія трактатамъ, заключеннымъ ею съ туземными владѣтелями; иначе какъ объяснить себѣ, что въ продолженіи 4½ лѣтъ, прошедшихъ съ заключенія торговыхъ договоровъ съ Коканомъ и Бухарой, она до сихъ поръ еще не воспользовалась выговореннымъ въ нихъ правомъ имѣть въ этихъ странахъ своихъ торговыхъ агентовъ.

Не менѣе ошибочны разглагольствованія о «дружескихъ» чувствахъ, которыя питаютъ къ намъ владѣтели сосѣднихъ азіатскихъ ханствъ. Не говоря уже о мусульманскомъ фанатизмѣ, которымъ проникнуты среднеазіатскіе властители, и который поддерживается въ народѣ мусульманскимъ духовенствомъ, не надо забывать и того, что, въ теченіи послѣднихъ 8—9 лѣтъ, мы отняли у нихъ большую часть ихъ владѣній и низвели ихъ со степени независимыхъ и первенствующихъ азіатскихъ государей на степень государей второстепенныхъ и почти вассальныхъ. Возможно ли послѣ этого допустить, что побѣжденные и униженные владѣтели могутъ питать «дружественныя» чувства къ тѣмъ, которымъ они обязаны своимъ униженіемъ? Не будемъ себя обманывать: и властители, и подданные ихъ одинаково ненавидятъ насъ; если же первые и притворяются иногда нашими друзьями, то это только потому, что они въ настоящее время вынуждены къ этому обстоятельствами; но насколько искренни такіа уверенія съ ихъ стороны, доказывается многими фактами. Такъ, наприимѣръ, читатели, вѣроятно, помнятъ, что въ концѣ прошлой зимы пріѣзжалъ въ Ташкентъ старшій сынъ коканскаго хана, Ханъ-Заде. Мы не станемъ распространяться здѣсь о причинахъ, вызвавшихъ пріѣздъ этого молодого азіата въ столицу Туркестанскаго Края. Пріѣздъ этотъ, какъ извѣстно, надѣлалъ въ то время много шума и далъ поводъ одному ташкентскому оратору, на торжественномъ обѣдѣ, данномъ по этому случаю коканскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Мирза Хакимомъ, сравнить молодого ко-

канца съ Петромъ-Великимъ (!). Но пока администрація, не жалѣя русскихъ денегъ, устраивала рядъ празднествъ въ честь своего гостя, что дѣлалъ въ это время коканскій Петръ-Великій? Въ промежуткахъ между пріемами, смотрами и балами, онъ старался усилить коканскую партію въ Ташкентѣ, раздавалъ деньги своимъ приверженцамъ, одарялъ мечети, мусульманское духовенство и, подъ конецъ, послалъ живущему теперь плѣнникомъ въ Ташкентѣ бѣнтабскому беку Джурабеку сумму денегъ, велѣвъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, передать ему свое искреннее сожалѣніе и негодованіе о поступкѣ своего отца, Худояр-хана, выдавшаго Джурабека и шаарскаго бека Баба-бека русскимъ (!). Къ чести Джурабека, мы должны прибавить, что, несмотря на свои стѣсненные обстоятельства, онъ не принялъ этихъ денегъ, а возвратилъ ихъ Ханъ-Заде, велѣвъ при этомъ передать ему, что онъ въ деньгахъ не нуждается, такъ какъ получаетъ все нужное отъ русскаго правительства. Не показываетъ ли этотъ случай въ яркомъ свѣтѣ, насколько искренни увѣренія въ дружбѣ, расточаемыя намъ среднеазіатскими властителями, и чего можно ожидать отъ нихъ въ критическую минуту?

Не менѣе, если не болѣе, двусмысленъ образъ дѣйствія относительно насъ бухарскаго эмира. Прежде всего, особеннаго вниманія заслуживаютъ его постоянныя дружескія сношенія съ Авганистаномъ, служащимъ, какъ извѣстно, орудіемъ авглійской политики въ Средней Азіи. Такъ, въ бытность нашего посольства въ Бухарѣ, въ 1870 году, авганцы требовали отъ эмира, чтобъ онъ прогналъ наше посольство, обѣщая, въ случаѣ войны его съ Россіей, прислать ему вспомогательное войско въ 10,000 человекъ. Правда, что эмиръ, послѣ долгихъ колебаній, помня недавнія пораженія, нанесенныя ему русскими, не рѣшился исполнить требованіе авганцовъ, и посольство наше, принятое сперва нетолько холодно, но даже невѣжливо, подъ конецъ успѣло исполнить возложенное на него порученіе; тѣмъ не менѣе, самый фактъ заявленія такихъ требованій и долгія колебанія эмира доказываютъ, насколько надежны существующія отношенія наши къ Бухарѣ. Къ тому же, перегово-

воры эмира съ авганцами продолжались и послѣ этого, и, какъ видно, окончились успѣшно; такъ, по крайней мѣрѣ, должно полагать, въ виду распространившагося довольно достовѣрнаго слуха, по которому эмиръ, для обезпеченія себѣ, на случай войны съ русскими, содѣйствія авганцовъ, уступилъ имъ нѣсколько бухарскихъ городовъ. Изъ нихъ, Кулабъ, на основаніи тѣхъ же слуховъ, въ половинѣ нынѣшняго лѣта уже былъ занятъ авганцами, и со дня на день ожидалось занятіе ихъ войсками бухарскаго города Керки.

Другой фактъ, заслуживающій также вниманія — посылка бухарскимъ эмиромъ посольства въ Константинополь. Цѣль этого посольства (какъ и цѣль недавняго посольства Хивы въ Индію) заключалась въ томъ, чтобъ заручиться поддержкой Турціи на случай войны съ

Россіей. Наконецъ, не далѣе, какъ прошлою весною бухарскій эмиръ старался вывѣдать отъ населенія бывшаго шахрисябзьскаго княжества, чью сторону оно приметъ, въ случаѣ, еслибъ русскіе, вмѣстѣ съ ихъ бывшими беками (Джурабекомъ и Баба-бекомъ), вторглись въ шахрисябзьскую долину.

Что эмиръ и окружающіе его ненавидятъ насъ и недовѣряютъ намъ, доказывается еще многими фактами. Такъ, напримѣръ, всѣмъ проживающимъ въ Туркестанскомъ Краѣ извѣстно, какъ неохотно бухарское правительство допускаетъ русскихъ пріѣзжать въ свои владѣнія; когда же, вслѣдствіе требованія туркестанской администраціи, оно вынуждено это сдѣлать, тогда оно прибѣгаетъ къ другому способу, именно: оно осыпаетъ пріѣзжающихъ чиновниковъ деньгами *) и подарками, оказываетъ имъ всевозможный почетъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не пускаетъ ихъ никуда и окружаетъ толпой шпионовъ, которые отдѣляютъ ихъ отъ населенія и отнимаютъ у нихъ всякую возможность узнавать то, что дѣлается въ краѣ. Въ то же время, черезъ своихъ повѣренныхъ и тайныхъ агентовъ они зорко слѣдятъ за всѣмъ, что дѣлается у насъ, поддерживаютъ сношенія съ подвластнымъ намъ населеніемъ и внушаютъ имъ надежду на скорое избавленіе отъ русскихъ.

Впрочемъ, не одинъ только эмиръ ненави-

дять русскихъ: насъ ненавидить все населеніе ханства, особенно же духовенство и высшее сословіе. Такъ, одно лицо, недавно посѣтившее Бухару, рассказывало намъ слѣдующій бывшій съ нимъ случай: Прибывъ, въ сопровожденіи бухарскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Ташкентъ, въ одинъ изъ болѣе значительныхъ городовъ ханства, онъ посѣтилъ тамошняго бека; бекъ принялъ его очень любезно и въ привѣтственной рѣчи, сказанной на узбекскомъ нарѣчіи, выразилъ ему всю радость, которую онъ ощущаетъ при встрѣчѣ съ такимъ почетнымъ гостемъ; затѣмъ, полагая, что ни нашъ соотечественникъ, ни его переводчикъ не понимаютъ потаджикски, онъ обратился къ своимъ окружающимъ и сказалъ вполголоса: «Вотъ до чего мы дожили, что должны унижаться передъ этими невѣрными собаками!» На это сопровождавшій нашего соотечественника бухарскій повѣренный отвѣчалъ ему на томъ же нарѣчіи: «Богъ дастъ, обстоятельства скоро измѣнятся». Разговоръ этотъ былъ переданъ по окончаніи свиданія нашему соотечественнику однимъ изъ сопровождавшихъ его ташкентскихъ сартовъ, знающимъ потаджикски. Когда же удивленный путешественникъ обратился къ бухарскому повѣренному съ вопросомъ, что означаетъ подобный двуличный образъ дѣйствія, то бухарецъ страшно испугался и униженно умолялъ его не доводить объ этомъ до свѣдѣнія высшей администраціи въ Ташкентѣ».

Но довольно: приведенные здѣсь факты (а ихъ можно бы привести еще множество) достаточно доказываютъ, какъ неосновательны и смѣшны всѣ разглагольствованія о «дружескихъ» чувствахъ, которыя питаютъ къ намъ среднеазіатскіе властители. Впрочемъ, винить наше общество за это также особенно нельзя, если принять во вниманіе, изъ какихъ источниковъ почерпаетъ оно свои свѣдѣнія. Но зато нельзя не пожелать, чтобъ скорѣе разсѣялся мракъ, скрывающій до сихъ поръ отъ русскаго общества истинное положеніе дѣлъ въ Средней Азіи.

Н. Раевскій.

*Голосъ. 1872.
№ 57.*

Нѣсколько словъ о статьѣ «По поводу нашихъ отношеній къ среднеазіатскимъ владѣніямъ».

Въ № 24-мъ «Голоса» напечатана небольшая замѣтка «По поводу нашихъ отношеній къ среднеазіатскимъ владѣніямъ», въ которой авторъ стремится опровергнуть высказанное нами въ «Голосѣ» и въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» о бесполезности заключенія договоровъ съ среднеазіатскими властителями. Такъ какъ происходившая по этому предмету полемика (см. №№ 195, 206 и 209-й «Голоса» и №№ 344 и 20-й «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей») уже достаточно доказала справедливость нашего взгляда, то мы не стали бы возвращаться къ этому вопросу, еслибъ авторъ этой замѣтки не позволилъ себѣ исказить наши слова и не приписалъ намъ такихъ выраженій и мнѣній, которыхъ мы никогда не высказывали. Поэтому, не въ видахъ доказательства того, что уже достаточно доказано, а единственно въ видахъ восстановления истины, мы считаемъ нужнымъ вернуться къ этому вопросу и сказать нѣсколько словъ по поводу статьи, помѣщенной въ № 24-мъ «Голоса». Въ началѣ своей замѣтки, авторъ ея говоритъ слѣдующее: «Если, силой обстоятельствъ, мы углубились внутрь Средней Азіи, то мы убѣждены, что это совершилось вовсе не по *рецепту*, предлагаемому, напримѣръ, Н. Н. Раевскимъ въ письмѣ, помѣщенномъ въ № 20-мъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», въ которомъ *онъ совѣтуетъ идти безостановочно впередъ и присоединять все попадающееся на пути нашимъ предѣламъ*».

Такое заявленіе автора насъ крайне удивляетъ: дѣло въ томъ, что мы не только не «совѣтовали идти безостановочно впередъ и присоединять все попадающееся на пути нашимъ предѣламъ», но вообще до сихъ поръ въ нашихъ статьяхъ воздерживались давать какой бы то ни было совѣтъ, ограничиваясь сообщеніемъ фактовъ и предоставляя, читателямъ дѣлать изъ нихъ тѣ выводы, какіе они пожелаютъ. Мы обсуждали настоящее и прошедшее, не касаясь вовсе будущаго. Но усердіе автора таково, что онъ не только приписываетъ намъ лебывалые совѣты, но даже даетъ себѣ

трудъ опровергать ихъ. Впрочемъ, за это мы ему весьма признательны, такъ какъ этимъ онъ избавляетъ насъ отъ необходимости опровергать его слова.

Не менѣе удивляетъ насъ и другое мѣсто той же статьи, гдѣ авторъ говоритъ слѣдующее: «Да «не посѣтуетъ на насъ г. Раевскій, но мы видимъ «въ этихъ обстоятельствахъ вовсе не предлогъ «къ новымъ враждебнымъ дѣйствіямъ (мы не «допускаемъ мысли, чтобъ Россія когда-нибудь «желала или искала какихъ-нибудь предло- «говъ)». Прочитавъ эти строки, всякій подумаетъ, что заявленіе о томъ, что договоры съ властями среднеазіатскихъ ханствъ суть только «предлогъ къ новымъ враждебнымъ дѣйствіямъ», принадлежатъ намъ; на дѣлѣ же оказывается совершенно наоборотъ: мнѣніе это *принадлежитъ барону Каулбурсу*, который такъ же, какъ и авторъ замѣтки, поставилъ себѣ цѣлью во что бы то ни стало доказать пользу и необходимость этихъ договоровъ и въ доказательство пользы договоровъ указалъ, между прочимъ, на это; что же касается насъ, то, напротивъ, мы рѣшительно *отвергли* справедливость такого заявленія; вотъ подлинныя слова наши, какъ они были напечатаны въ № 20-мъ «Сант-петербургскихъ Вѣдомостей»: «Впрочемъ, и «въ этомъ отношеніи мы не видимъ необ- «ходимости договоровъ, ибо, еслибъ и пона- «добились «предлоги» — будь это для мирнаго «или для военнаго вмѣшательства въ дѣла сред- «неазіатскихъ ханствъ, то безъ всякихъ догово- «ровъ ихъ всегда найдется достаточно. Но мы «положительно отвергаемъ надобность въ «этихъ предлогахъ; мы полагаемъ, что Россія «настолько могущественна, что не нуждается «въ подобныхъ средствахъ, роняющихъ толь- «ко тѣхъ, которые ими пользуются». Мы не станемъ далѣе разбирать замѣтку; но спросимъ, какія причины могли побудить ея автора приписать намъ такія слова и мнѣнія, которыхъ мы никогда не высказывали? Чтобъ отвѣтить на это, нужно бросить взглядъ назадъ, на ходъ всей полемики. Читатели, вѣроятно, помнятъ статью г. Маева, помѣщенную въ № 206-мъ «Голоса» и имѣвшую цѣлью опровергнуть нашу статью, помѣщенную въ № 195-мъ той же газеты; въ возраженіяхъ своихъ, г. Маевъ увлекся до того, что вынудилъ даже редакцію «Голоса»

сдѣлать въ выноскѣ слѣдующее замѣчаніе: «Г. Маевъ слишкомъ далеко простираетъ свое усердіе возражать во что бы то ни стало». Послѣ неудачной выходки г. Маева, на сцену выступилъ баронъ Каулбарсъ, который, въ статьѣ, помѣщенной въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», силился доказать то, чего не могъ доказать г. Маевъ, т. е. пользу договоровъ съ азіатскими властителями; статья барона Каулбарса была опровергнута нами въ тѣхъ же «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», причомъ редакція этой газеты тоже открыто высказалась противъ статьи барона Каулбарса. Наконецъ, появляется третья статья въ томъ же духѣ, въ которой приписываются намъ такія слова и мнѣнія, которыхъ мы никогда не высказывали.

Появится ли еще четвертая статья въ томъ же духѣ, или прекратится, наконецъ, эта уже бесполезная полемика—вотъ что мы хотѣли бы знать; но, во всякомъ случаѣ, нельзя не сознаться, что защитники договоровъ съ азіатскими властителями, прибѣгая къ искаженію фактовъ и словъ, только роняютъ дѣло, которое они силятся защищать.

Н. Раевскій.

Сиб. Вѣд. 1872.
№ 343.

Нѣсколько словъ о нашихъ дѣлахъ въ Средней Азіи.

(Письмо въ редакцію «Сиб. Вѣдомостей»).

Южная граница нашихъ владѣній въ Средней Азіи пролегаетъ по гигантскому Тхянь-Шанскому хребту и его западнымъ отраслямъ. Къ сѣверу отъ этихъ горъ растидаются необозримыя казакскія (Киргизскія) степи, отдѣляющія Туркестанъ отъ Сибири и Европейской Россіи.

Два изъ сосѣднихъ съ нами средне-азіятскихъ ханствъ, Коканъ и Бухара, лежатъ по сю сторону Тхянь-Шана, и поэтому, будучи легко доступны, ранѣе другихъ должны были подчиниться нашему вліянію. Затѣмъ остались еще два — Хива и Джитышааръ — отдѣленные отъ насъ одно пустынными, безводными степями, другое Тхянь-Шанскими горами. Установить добрыя сосѣдскія отношенія съ Джитышааромъ намъ, кажется, удалось въ послѣднее время. Продолжаетъ упорствовать лишь одна Хива.

Вліянію нашему въ Средней Азіи противодѣйствуютъ два главныя явленія: мусульманскій фанатизмъ населенія и недовѣріе правительствъ. Нынѣ мы можемъ положительно сказать, что успѣхъ въ борьбѣ съ тѣмъ и съ другимъ переходитъ постепенно на нашу сторону.

Въ нашемъ обществѣ распространены и продолжаютъ распространяться преувеличенныя понятія о силѣ мусульманскаго фанатизма въ Средней Азіи. Лѣнивая и безпечная натура туземца врядъ-ли способна къ сильнымъ сосредоточеннымъ чувствамъ. Нѣкоторые знатоки Средней Азіи думаютъ, что крупныя личныя интересы туркестанца всегда возьмутъ верхъ надъ его религіознымъ отвращеніемъ къ европейцу. Строгое исполненіе мусульманскихъ обрядовъ въ средне-азіятскихъ ханствахъ всегда поддерживалось правительствомъ и духовенствомъ, которыя въ этомъ видѣли основаніе своей власти, основаніе къ самому неограниченному произволу во всемъ, что касается имущества и личности ихъ подданныхъ. Прежде, да и теперь еще въ средне-азіятскихъ ханствахъ существуетъ особенный классъ духовно-полицейскихъ чиновниковъ (раисъ), строго слѣдящихъ за исполненіемъ мусульманскихъ обрядовъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, благодаря наружнымъ вліяніямъ, власть бековъ и значеніе духовенства уменьшены, или уничтожены, про-

являются отступленія отъ строгаго исполненія параграфовъ шаріата. Это особенно замѣтно въ странахъ, которыя еще недавно были подвергнуты китайскому вліянію. Въ Кульджѣ, напримѣръ, женщины-мусульманки не закрываютъ своихъ лицъ, въ Кашгарѣ и Яркендѣ также, несмотря на то, что грозный Якубъ-бекъ усиленно принимаетъ мѣры къ уничтоженію такого порядка вещей. Завоевавъ часть Средней Азіи, мы до послѣдней крайности избѣгаемъ въ какомъ бы то ни было отношеніи стѣснять туземцевъ въ ихъ вѣрованіяхъ, и эта полная вѣротерпимость есть лучшее наше оружіе противъ фанатизма мусульманъ, нашихъ подданныхъ. Большая половина туземцевъ Средней Азіи одновременно и землевладѣльцы, и торговцы *); они чужды воинственнаго духа, для нихъ главное дѣло—спокойствіе и возможность свободно торговать. Мы, русскіе, не стѣсняемъ ихъ не только въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, но даже и въ ихъ обычаяхъ, мы ничего своего не навязываемъ имъ насильственно, предоставляя имъ полную свободу выбора въ этомъ отношеніи; мы даже сами перенимаемъ отъ нихъ то, что дѣйствительно удобно, пригодно, и въ этомъ-то кроется задатокъ успѣшнаго распространенія нашего вліянія въ Средней Азіи. Правительство (беки) и духовенство (улемы) Средней Азіи сознаютъ это; вліяніе мусульманскаго духовенства въ занятыхъ нами территорияхъ уже теперь значительно уменьшилось; въ независимыхъ же отъ насъ беки и духовенство предвидятъ минуту, когда масса ихъ подданныхъ грозно укажетъ имъ на существующіе въ сосѣднихъ подвластныхъ намъ территорияхъ порядки и не захочетъ болѣе безмолвно подчиняться ихъ безграничному произволу. Быть можетъ, еще не скоро настанетъ это время, но признаки его уже проявились, и на лицо есть уже нѣкоторыя доказательства. Въ 1865 году генералъ Черняевъ подходитъ къ Ташкенту съ горстью людей, и послѣ трехдневной борьбы городъ въ 70,000 жителей, окруженный стѣною въ 28 верстъ длины, сдается ему. Такой успѣхъ, конечно, объясняется присутствіемъ въ Ташкентѣ сильной русской партіи. Случалось слышать отъ нѣкоторыхъ сартовъ, что во время самаго штурма на ташкентскомъ базарѣ **) продолжа-

*) Лѣтомъ они обрабатываютъ свои поля, а зимою продаютъ жатву.

**) Базаръ расположенъ почти въ центрѣ города.

лась торговля. Ташкентъ по преимуществу торговый городъ, меркантильные интересы его поглощаютъ до известной степени религіозныя чувства. До водворенія русской власти, онъ былъ яблокомъ раздора между сосѣдними ханствами; этимъ и объясняется существованіе въ немъ русской партіи, т. е. партіи порядка.

Событія послѣдующихъ годовъ подтвердили то же самое и въ другихъ мѣстахъ.

Въ послѣднее время туркестанская администрація часто получала прошенія многочисленныхъ группъ осѣдлаго и кочеваго населенія того или другаго изъ сосѣднихъ ханствъ о принятіи ихъ въ русское подданство. Мѣстами кочевое населеніе просто, не ожидая разрѣшенія, бѣжало въ наши предѣлы, оставляя въ рукахъ преслѣдующихъ его бекскихъ войскъ большую часть своего имущества; чирики (племя горныхъ киргизъ) до-сихъ-поръ продолжаютъ перекочевывать въ русскій Тхянь-Шанъ изъ предѣловъ Джитышаара, несмотря на то, что всякій разъ перебѣжки лишаются большей части своего имущества, а многіе даже своихъ семействъ.

Когда, послѣ кровопролитнаго штурма, войска наши въ 1870 году овладѣли городами Шаръ и Китабъ, правительство наше воспользовалось этимъ случаемъ, чтобъ доказать свое желаніе жить мирно съ бухарскимъ эмиромъ. Съ этою цѣлью были вызваны въ Китабъ эмирскія войска, и завоеванные нами города были переданы имъ. Но покуда еще не состоялась эта передача, покуда нашъ отрядъ еще находился въ Китабѣ, жители покоренныхъ городовъ толпами являлись къ главному начальнику отряда, генералъ-маіору Абрамову, и къ его офицерамъ, умоляя оставить ихъ въ русскомъ подданствѣ. Съ тѣхъ поръ прошло два года, а въ Шаръ и Китабъ все еще продолжаетъ существовать стремленіе къ русскому подданству.

Такихъ примѣровъ можно было бы указать и больше ***). Они краснорѣчиво свидѣтельствуютъ

***) Особенно въ Семирѣченской области; но я о ней не говорю, такъ какъ тамъ часто вліяли причины другаго рода.

въ пользу доброй славы, которою мы пользуемся въ Средней Азіи, несмотря на то, что мы ею владѣемъ не болѣе 7—8 лѣтъ.

Убѣжденіе въ нашемъ превосходствѣ и въ томъ, что масса туземцевъ Туркестана начинаетъ постепенно мириться съ нами, привыкать къ нашему владычеству, составляетъ постоянную причину неудовольствія противъ насъ духовенства и бековъ Средней Азіи, а это неудовольствіе въ свою очередь порождаетъ то недовѣріе туземныхъ правительствъ (бековъ), съ которыми нынѣ борется русское вліяніе въ Туркестанѣ.

Рядъ побѣдъ и завоеваній, охарактеризовавшихъ наше движеніе въ Туркестанѣ въ послѣдніе годы, внушилъ туземцамъ убѣжденіе, что русскіе стремятся завоевать всю Среднюю Азію, и что ихъ главная цѣль — именно расширеніе своихъ границъ. Во время политическихъ переговоровъ въ Кашгарѣ, клонившихся къ заключенію торговаго договора, Мугамедъ-Якубъ-бекъ высказалъ слѣдующее: «Народъ нашъ убѣжденъ, что русскіе не могутъ жить долго въ дружбѣ съ своими сосѣдями, и послѣ 2—3 лѣтъ мира они захватываютъ ихъ города и земли». Заключенный 10-го іюня съ Джитышаромъ торговый договоръ отчасти доказываетъ, что Якубъ-бекъ въ послѣдствіи отказался отъ такихъ воззрѣній, и дѣйствительно яркіе факты доказали Средней Азіи, что русскіе желаютъ жить мирно и добрыми сосѣдями съ тѣми, кто относительно ихъ исполняетъ тоже самое.

Еще недавно оскорбительныя для нашего національнаго достоинства и невыгодныя для нашей торговли отношенія къ намъ казакскихъ (киргизскихъ) степей и мусульманскихъ самостоятельныхъ ханствъ, лежащихъ къ югу отъ нихъ, вынудили насъ положить конецъ такому аномальному порядку вещей. Покуда русскіе отряды на оренбургской и сибирской линіяхъ пассивно защищали наши границы, почти ежегодно уводились въ тяжкую неволю нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ, и затѣмъ на базарахъ Средней Азіи они вмѣстѣ съ плѣнными персіянами служили матеріаломъ для производства того постыднаго торга невольниками, противъ котораго въ XIX столѣтіи рѣшительно возстала вся Европа. Въ это же время безпрестанныя волненія въ степи отзывались самымъ не-

выгоднымъ образомъ на русской торговлѣ съ Туркестаномъ вообще; наши же соотечественники, купцы, вовсе не могли сами проникать до средне-азіятскихъ городовъ. Вотъ главные мотивы нашего движенія въ централуную Азію; и можно-ли по справедливости упрекать насъ въ этомъ? Нынѣ русскіе невольники имѣются въ одной только Хивѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ торговля наша съ Среднею Азіею удвоилась по общему итогу и удесятерилась по нѣкоторымъ важнѣйшимъ статьямъ.

Въ Россію чрезъ западную границу ввозятъ теперь на сумму около 20,000,000 р. хлопка, за который мы должны платить деньгами; въ Туркестанѣ у насъ есть свой собственный хлопокъ; мы за него отдаемъ свои мануфактурныя произведенія, и если до-сихъ-поръ ввозъ хлопка изъ Средней Азіи долженъ быть признанъ ограниченнымъ, то это происходитъ единственно отъ недостатка перевозочныхъ средствъ **). Туркестанъ положительно можетъ со временемъ дать намъ очень много хлопка хорошаго качества ***). Тоже самое можно сказать и о шелкѣ. Когда послѣ сильныхъ ударовъ, нанесенныхъ нами средне-азіатскимъ ханствамъ, представилась возможность сдѣлать попытку устроиться мирнымъ путемъ въ Туркестанѣ, мы приостановили свое завоевательное движеніе.

Но быстрыя и обширныя завоеванія наши успѣли уже вселить страхъ и недовѣріе къ намъ въ правительствахъ сосѣднихъ ханствъ, и не скоро еще настанетъ время, когда намъ удастся окончательно побороть это чувство въ нихъ; только послѣдовательная, неуклонно стремящаяся къ разѣ предположенной цѣли политика можетъ привести насъ къ успѣшному разрѣшенію этого вопроса. Слѣдуя ей въ послѣднее пятилѣтіе, правительство наше достигло уже значительныхъ результатовъ.

Побѣжденный русскимъ оружіемъ, коканскій ханъ подписалъ мирный и торговый договоръ съ нами; но далеко не вдругъ достигли мы того нестѣпеннаго положенія, въ какомъ мы теперь находимся съ Коканомъ. Мирныя отношенія и довѣріе въ томъ, что русское правительство серьезно желаетъ ихъ продолженія и развитія, не вдругъ установились у коканскаго хана и его правительства — они развивались постепенно. Два, три года тому назадъ положеніе русскаго

путешественника въ Коканѣ было несравненно затруднительнѣе, нежели теперь. Постоянное пребываніе въ Ташкентѣ коканскаго повѣреннаго въ дѣлахъ имѣло благотѣльное вліяніе въ смыслѣ устраненія недоразумѣній. Теперь торговцы наши свободно дѣйствуютъ въ Коканѣ, пользуясь во всемъ государствѣ покровительствомъ правительства, и туземцы начинаютъ привыкать видѣть ихъ въ своей средѣ. Путешественники наши прошли почти по всему ханству; мы имѣемъ теперь, благодаря трудамъ поручика Кривцова, фотографическіе снимки самыхъ важныхъ городовъ, мѣстностей и людей долины Фергана (Коканское ханство); среди послѣднихъ есть даже портретъ самого властителя—Худояръ-хана.

Пріѣздъ въ Ташкентъ наследника коканскаго престола Ханъ-Заде, благопріятное впечатлѣніе, вынесенное имъ отъ насъ, и первыя попытки его ввести въ Андіанѣ, гдѣ онъ управляетъ округомъ, въ своей домашней обстановкѣ видѣнное имъ у насъ представляютъ неопровержимыя доказательства возростанія нашего вліянія.

Современное быстрое развитіе нашихъ мирныхъ отношеній къ Кокану — фактъ неопровержимый для всѣхъ насъ, туркестанцевъ; неопровержимо и то, что правительство наше достигло такого положенія дѣлъ не въ ту минуту, когда былъ подписанъ договоръ, а постепенно и, конечно, основываясь на договорѣ.

Съ Бухарой происходило и происходитъ нынѣ нѣчто подобное, и если мирныя отношенія наши къ ней не достигли еще той степени развитія,

какъ съ Коканомъ. то причины тому ясны: мы позднѣе побѣдили Бухару, и географическія условія территоріи Бухарскаго ханства ставятъ его въ меньшую зависимость отъ насъ. Большая часть его границъ пролегаетъ по странамъ не только недоступнымъ для насъ, но даже весьма мало изслѣдованнымъ; съ этой стороны Бухара открыта разнымъ чуждымъ намъ вліяніямъ. Къ тому же занятіемъ Самарканда мы нанесли жестокой ударъ Бухарѣ, и ставъ такимъ образомъ близкимъ и грознымъ соседомъ столицы ханства, не могли не возбудить въ правительствѣ его недовѣрія къ дальнѣйшимъ нашимъ намѣреніямъ.

Въ 1868 г., вслѣдъ за заключеніемъ договора съ нами, сынъ бухарскаго эмира возсталъ противъ отца; готовились нескончаемыя смуты, которыя должны были отозваться и на нашихъ владѣніяхъ. Тогда русскій отрядъ, занятіемъ центра возстанія—города и области Карши, восстановилъ порядокъ. Завоеванная область была передана законному бухарскому правительству. Въ 1870 г. за этимъ первымъ рѣшительнымъ доказательствомъ нашего искренняго желанія поддержать миръ и спокойствіе, а также доказать наши благонамѣренныя виды относительно правительствыянышняго эмира Бухары, послѣдовало новое, еще болѣе блестящее и неопровержимое. Къ югу отъ долины Зарявшана (Самаркандская), за горнымъ хребтомъ, лежитъ богатая провинція Шахрисабзъ. Два главные города, Шаръ и Китабъ, окружены одною общою стѣною въ 120 верстъ длиною. Шахрисабзы, предводительствуемые энергичными людьми, отложились отъ Бухары, и ежегодно повторявшіеся военные походы бухарскихъ войскъ противъ нихъ оканчивались всегда безуспѣшно. Правительство наше не вмѣшивалось въ это дѣло, покуда враждебныя дѣйствія шахрисабзскихъ бековъ противъ насъ не вынудили его положить конецъ такому порядку вещей. Въ 1870 г., послѣ кровопролитнаго штурма, оба города и окрестности ихъ были заняты нашими войсками, и затѣмъ, какъ и Каршинская область, переданы въ руки законнаго бухарскаго правительства.

Такіе факты должны были поколебать не только недовѣріе къ намъ бухарскаго эмира, но и всѣхъ вообще независимыхъ владѣтелей Средней

Азіи; ихъ понялъ даже недовѣрчивый Якубъ-бекъ, и они много содѣйствовали успѣшному заключенію договора съ Кашгаромъ мирнымъ путемъ.

Послѣ этихъ-то доказательствъ нашего мирнаго направленія и начинается поворотъ къ лучшему въ отношеніяхъ Бухары къ намъ. Поѣздка сына бухарскаго эмира *) въ Петербургъ и русское посольство, отправившееся изъ Ташкента въ Бухару по возвращеніи Джанъ-Тюра на свою родину, дали новый толчекъ этому дѣлу; договоръ, бывшій въ началѣ мертвою буквой, теперь вошелъ въ дѣйствіе, довѣріе къ намъ возросло настолько, что нынѣ вѣроятно даже окажется возможнымъ имѣть въ Бухарѣ и Коканѣ постоянныхъ русскихъ торговыхъ агентовъ.

Договоры наши въ Средней Азіи не могутъ имѣть того значенія, какое они имѣютъ въ Европѣ, гдѣ исполненіе ихъ обезпечено международнымъ правомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Въ Азіи договоръ есть предлогъ — точка опоры къ постепенному развитію мирныхъ отношеній. Статьи его не могутъ исполняться вдругъ: сначала туземцы должны привыкнуть видѣть среди себя европейцевъ, а потомъ уже постепенно разовьются сношенія въ силу и на основаніи условій договора.

Если въ началѣ, при заключеніи договора, туземныя правительства видятъ въ этомъ способѣ умилоствитъ своего грознаго сосѣда, то впоследствии, когда опытъ убѣждаетъ ихъ въ томъ, что акты эти служатъ намъ исключительно для развитія мирныхъ торговыхъ отношеній, что для поддержанія этихъ отношеній мы даже не страшимся приносить большія жертвы, то довѣріе ихъ къ намъ развивается; мало того, они сами постепенно начинаютъ сознавать выгоду договоровъ для себя самихъ. Такихъ результатовъ нельзя было бы достигнуть одною силою оружія. Договоръ, имѣя характеръ обоюднаго соглашенія, не оскорбителенъ для туземныхъ правительствъ, и, пользуясь статьями его постепенно, по мѣрѣ возможности, правительство наше стоитъ на опредѣленной почвѣ, оно систематически, безъ произвола, развиваетъ наши отношенія. Мы сначала образуемъ туземцевъ, съ тѣмъ чтобы потомъ самимъ извлечь изъ этого пользу. Только этимъ путемъ и можемъ мы исполнить цивилизаторскую миссію Россіи въ Азіи: безъ договора

правительство должно было бы всякій разъ, когда русскій купецъ отправляется въ сосѣднее ханство, посылать властямъ этого ханства особыя требованія, какъ обходиться съ нашимъ подданнымъ. Требованія эти, скрывая за собою угрозу, были бы оскорбительны для туземцевъ и, конечно, вмѣсто успокоенія умовъ, повели бы лишь къ большому и большому раздраженію, за которымъ послѣдовало бы желаніе при первомъ удобномъ случаѣ уничтожить такія отношенія. Теперь понятенъ истинный смыслъ нашихъ средне-азіятскихъ договоровъ, и странно было бы послѣ этого говорить, что они не имѣютъ никакого значенія.

Есть только два способа дѣйствій въ Азіи: одинъ—завоеваніе, другой, если не хотятъ завоевать—дѣйствовать постепенно, послѣдовательно и въ высшей степени осмотрительно, чтобы не возбудить подозрѣнія, а лучшее средство къ тому—торговый договоръ, статьи котораго примѣняются на дѣлѣ, вступаютъ въ силу, по мѣрѣ возможности, сообразно обстоятельствамъ, когда правительство наше изъ хода дѣлъ видитъ, что настала пора осуществить на дѣлѣ тотъ или другой параграфъ его, не возбуждая этимъ неудовольствія и возрастанія недовѣрія въ туземцахъ сосѣднихъ ханствъ.

Вѣчнаго ничего нѣтъ на свѣтѣ; въ Европѣ, а тѣмъ болѣе въ Азіи, договоры нарушались и могутъ быть впредь нарушены. Въ Средней Азіи мы можемъ утѣшаться тѣмъ, что если бы будущія событія привели насъ къ завоеванію той или другой страны, съ которой мы прежде заключили договоръ, то мы найдемъ въ новой территоріи уже подготовленную для воспринятія русскаго вліянія почву. Благодаря тѣмъ сношеніямъ, которыя установились въ силу договора, мы въ этой новой странѣ найдемъ знакомыхъ.

А. Каульбарсъ.